

БУЛЫЖНИК, НАМАЗАННЫЙ ДЕГТЕМ

(ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНОНИМУ)

Прежде всего давайте договоримся об условиях. К вам, как к незнакомому человеку, я вынужден обращаться на «вы». Но писать это местоимение буду с маленькой буквы, потому что вас не уважаю.

Да, я с вами незнаком. Не знаю вас в лицо. Вполне возможно, не раз встречались в городе, ехали в одном автобусе. Не исключено, что в одном и том же магазине покупаем хлеб. Даже допускаю, что по теории вероятности могло случиться и такое: нам с вами однажды досталось по половинке одного и того же хлеба.

Мы с вами современники. Соседи по эпохе. Нам суждено жить вместе в одно и то же время. От нас с вами (от нас с вами тоже) зависит, что и как будут говорить потомки о нашем времени. Именно поэтому вы мне не безразличны. Именно поэтому я решил написать вам. Но, в отличие от вас, не собираюсь скрывать своего имени.

Передо мной лежит одно из ваших писем. Оно, как и все остальные, не подписано. И оно по духу своему и букве своей ничем не отличается от других. Я его, так сказать, с первого захода не смог прочитать до конца. Не мог долго держать в руках. Казалось, что от него руки покроются язвами. Казалось, я держу отвратительную жабу.

Догадываюсь, почему вы не подписываетесь под вашими эпистолярными трудами. Нет, вы не боитесь закона, карающего за клевету. Вы уже давно забыли о его существовании. Вы просто боитесь прослыть ненормальным человеком. Ибо нормальный человек в наши дни не будет писать, что «на протяжении многих лет руководитель закрыл двери учреждения для выходцев из семей рабочих и крестьян». Опомнитесь! Песенка-то ваша старая, да и весь репертуар в целом ей под стать. Особенно вы постарались в последнем письме. Судя по всему, неплохо изучили историю жизни вашей жертвы и его отца, который сейчас — персональный пенсионер республиканского значения и в

меру своих сил продолжает служить народу. Признаюсь вам честно, сын ничего не сказал ему о гнусном пасквиле — не хотел лишний раз травмировать душу старого человека.

Создается впечатление, что вы долгое время находились в летаргическом сне. Пробудились наконец и никак не можете прийти в себя. Вас очень не устраивает нынешняя наша жизнь. Вы нисколько не скрываете того, что скучаете о «своем прошлом». Обливая грязью каждую из избранных вами жертв, вы все валите в одну кучу.

Нельзя сказать, что вы топчетесь на месте. В свой традиционный, ставший «академическим» репертуар вы иногда включаете свежие нотки. Видимо, на вас не мог не повлиять всемогущий урбанизм. И пишете, что мишень ваша живет в восьмикомнатной квартире, облицованной мрамором, имеет три автомашины «Волга». Это, мягко говоря, ложь. Но вы именно так написали в Москву в надежде на то, что в столице непременно обратят внимание на подобный «факт». В этой связи, кстати, меня интересует другое: откуда вы можете знать, сколько комнат у вашей жертвы? Неужели вы ходите к нему в гости? Если это так, то в довершение ко всему вы просто чудовищный циник.

Я догадываюсь, почему вы с такой наглой откровенностью лжете. Расчет у вас верный: ошарашить адресатов (а письма ваши, как правило, в копиях идут сразу во многие инстанции). Да, да, ошарашить и заинтриговать. Составить письмо так, чтобы непременно прочитали до конца, как детектив. Чтоб не только прочитали, но и дали ход. Словом, чтобы, как вы того и требуете, «учинили проверку». А там, глядишь, что-нибудь да найдут. Если и «не найдут», зато какая нервотрепка, какая травма.

В самом деле, как тут не заинтересуешься человеком, когда вы пишете, что его квартира облицована мрамором. И конечно, ворованным. Опустим, что от мрамора в доме веет могильным холодом, не говоря уже о безвкусице чистойшей воды. Поговорим о другом. Как я уже говорил, пишете вы чаще всего в Москву. Вы несете чушь о своем соотечественнике, нисколько не задумываясь, что люди (пусть даже один человек) в подобных случаях, хотя и того или нет, склонны делать обобщения. Тень падает на многих. Всех своих соотечественников «обвиняете» в воровстве и мешанстве. А между тем в квартире, о которой вы пишете, нет ни одного квадратного сантиметра мрамора.

Между прочим, не только сама логика, но и пример с мрамором подтверждают, что вы работаете в том учреждении, ко-

торым руководит избранная вами жертва. Напомню, что он действительно однажды называл в различные инстанции и просил мраморную плиту. С большими трудностями удалось достать. И сейчас в вашем учреждении установлена мемориальная плита, на которой высечены имена сотрудников, павших в боях за свободу нашей Родины. За вашу личную свободу тоже.

В своих анонимных письмах, написанных от руки или отпечатанных на машинке, вы непременно подчеркиваете, что «он» часто разгуливает «по границам». Ужасно банально. Все тот же старый, заигранный мотив. Более пятидесяти иностранных авторитетных научных учреждений за последние годы присылали ученому, о котором вы пишете с желчью, официальные приглашения читать лекции. Тут бы гордиться, а вы, душимый черной завистью, клеветаете. Ему в одной из энциклопедий посвящен целый раздел, но вы пишете не об этом. О чем угодно, только не об этом. Организационный комитет одного из международных симпозиумов, получив его доклад, написал, что в докладе содержится много нового и интересного для науки. Я глубоко сожалею, что сейчас не могу обнародовать имя этого человека (одну из ваших мишеней) и тем самым не имею возможности назвать его работы, которые уже сегодня служат человечеству. И вам лично тоже.

Для своих эпистолярных упражнений вы, как видимо, специально изучали литературные схемы. К примеру, в анонимном письме вы делаете акцент на элемент трагедии. Впечатляет. Пишете: «Многие специалисты оставили работу и уходят. Боятся выступить, так как руководитель угрожает расправиться физически». И подкрепляете «художественный» вымысел элементами трагедии: «Четыре человека кончили жизнь самоубийством при нынешнем руководителе». Ни дать ни взять, настоящий профессор своего дела. Все у вас учтено. Сюжет, композиция, финал. А язык-то какой: «До недавнего времени наше учреждение славилось своими интернациональными традициями. Здесь работали люди с рабочим происхождением и бывшие фронтовики». Между прочим, очень часто вы пишете «до недавнего времени». Кстати, напомню вам, что социологи уже давно заметили этот штамп. Как правило, анонимные письма пишут люди, которые «до недавнего времени» чувствовали себя безнаказанно вольготно.

Ваш откровенный цинизм не знает предела. Аноним, клеветник. И вдруг вы считаете себя поборником человеческой

морали, не подозревая даже, что деяния ваши в первую очередь противоречат ее принципам.

Вообще-то, скажем прямо, с логикой вы явно не в ладах. Читая ваши письма, то и дело натыкаешься на ужасные парадоксы. Так, вас «беспокоит идеологическое воспитание молодежи», вы не верите в «восстановление правды».

Вы у меня отняли уйму времени. Но я об этом не жалею, потому что, как я уже говорил, вы мне безразличны. Вы, к сожалению, мой современник. Вы, к несчастью, мой современник.

Весь ужас, повторяю, в том, что письма ваши составлены просто-таки мастерски. Чувствуется большой опыт. Вот я написал об этом, и будто мурашки поползли по коже. Страшно стало. Ведь «большой опыт» — это прежде всего означает, что у вас было немало жертв. Видно, что вы неплохо разбираетесь в вопросах психологии и физиологии. И вам хорошо известно, что честный человек обычно бывает очень ранимым, очень хрупким. Поэтому вы орудуете булыжником, намазанным дегтем.

Я убежден, что лично на вашей совести не одна человеческая драма. Вы червь, который разьедает человека еще при жизни. Вся трагедия в том, что ходите вы по жизни неузнанным, улыбаетесь своей жертве, пожимаете ей руки. Это действительно трагедия. Такие, как вы, живучи, подобно тому как живучи тля, моль, плесень. С вами боролись во все времена. Но вы еще есть. И это не только беда наша, но и вина наша, что вы еще есть. Руки до вас не доходят. Да и маскируетесь вы ловко и искусно. С присущим вам цинизмом пишете о революционных и большевистских традициях. Вам ли писать о них? И уж коль заговорили об этом, то напомним вам о том, как революционеры боролись с анонимами. Старейший большевик, член КПСС с 1904 года П. Мальков в своих воспоминаниях приводит один эпизод, о котором не раз писалось, но я здесь позволю себе повториться. В апреле 1919 года Ф. Э. Дзержинский, узнав о том, что ВЧК получила ложные доносы на невинных людей, выяснил, что автором их является некто Павлов. Коллегия Всероссийской Чрезвычайной Комиссии решила расстрелять Павлова, который сознательно и злонамеренно провоцировал невинных людей.

Самое дорогое, что у нас есть, — это наша священная земля. Вы же ее позорите. Так пусть она горит у вас под ногами.

Не уважающий вас автор этой книги.